

ПРОТОИЕРЕИ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

АДАМОВО ДЕЛО

АФОНСКИЕ ЛАСТОЧКИ

И солнышко лучи не мечет.
Лишь звёзд лампадки в небесах...
А ласточки уже щебечут
со звонкой силой в голосах.

Чтоб день грядущий был не беден —
пока вселенная молчит —
их оглушительный молебен
с надеждой детской звучит!

Для них сокровище раскрылось!
Хоть далека ещё заря,
ликует их крылатый крылос,
за жизнь Творца благодаря.

Как в чёрных мантиях монахи,
лишь Божьим не обделены,
звенят стремительные птахи,
весёлой свежестью полны.

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителем в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Иоанна Богослова. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

Такая в птичьем пенье сила!
И так с души сгоняет сон!
Меня всё это впечатлило
не менее, чем сам Афон.

ПРОСТО ПТАХА

Есть птицы,
что поют до света,
когда и света
в мире нет,
и ни просвета
хоть бы где-то,
но тьма на весь
на белый свет.

В них — ни сомнения,
ни страха:
вдруг да навеки
темнота?..
Учись, душа,
как просто птаха,
в ночи вселенской
петь Христа.

САМАРЯНКА

Прошибает враз до слёз,
как рассказ начнётся:
самарянка и — Христос.
Встреча у колодца.

Хоть была она грешна,
да душой — глубока.
За смирение она
увидала Бога.

Будто в ней — душа моя!
от духовной жажды
Вечный Кладезь Бытия
обрела однажды.

И века в краю берёз
и лесных полянок
просветлял сердца Христос
русских самарянок.

И когда случился час,
что дошли до точки,
веру кто сберёг у нас? —
женские платочки.

И века до наших дней
ждать душа готова,
чтоб сказалося и о ней
Благодати слово.

Посреди любой беды
сердце вновь забьётся,
зачерпнув живой воды
из того колодца.

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ

К Заповеди Первой, словно тросом,
я привязан, маясь и скорбя.
Вновь и вновь я задаюсь вопросом:
— Господи, люблю ли я Тебя?

Приковав себя к земному раю,
превратив себя в земную тлю,
разве духом я не умираю?
Господи, Тебя ли я люблю?!

Ведь любовь — она наружу рвётся,
и огню подобна, и ножу.
Если ж сердце — как на дне колодца,
чем любовь к Тебе я докажу?

И не будет мне в итоге смысла,
сколько здесь удачи ни лови,
если Заповедь в душе прокисла,
если не найдёшь во мне любви.

Заповедь Твоя — моя победа,
оправдание моё и путь.
Рычагу подобна Архимеда:
и себя, и мир перевернуть.

АДАМОВО ДЕЛО

Адама библейского я воспою!
В Творении новом
какое служение нёс он в Раю?
Работал со словом.

Работа такая от Бога дана:
премудро и смело
давать всему сущему имена.
Адамово дело!

Стал слово пасти, словно пастырь овцу,
в дерзанье весёлом.
А творчество в слове приятно Творцу:
мир создан Глаголом!

Да только... слетела, как с крыльев пыльца,
с души позолота.
Стал хлеб зарабатывать в поте лица.
Земная забота!

Под хлебом насынным прогнулся Адам:
земное — сурово!
Как сон, вспоминал он к преклонным годам
про горнее слово.

Но как-то раскрыл он глаза на цветок...
вот малость, казалось!
Но — вспыхнуло в нём озаренье, как ток,
И — слово — сказалось!

* * *

Могу я любоваться долго-долго,
чуть только до простора доберусь:
как женщина, таинственная Волга,
и Волга — как таинственная Русь.

А там, на глубине — и мощь, и сила,
а там за глубиною — глубина,
которая наш путь определила,
где Бог определяет времена.

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Не приму сужденье ваше скорое:
никаких во мне достоинств нет.
Я всего лишь — зеркальце, которое
отражает внутренний ваш свет.

Оттого такая радость встретиться,
друг ко другу тянет за версту,
что глаза мои — всего лишь зеркальца —
вашу отражают доброту.

Станет главным нашим достижением:
сторонясь реклам и мёртвых схем,
сделать сердце — Божьим отражением.
А затем его зеркалить всем!